

— Лжец.

Опровержение последовало незамедлительно и с абсолютной уверенностью.

Лян Хаожань уже хотел было огрызнуться в ответ, но Лу Юньцзэ опередил его:

— Тебе доставляет удовольствие принимать такой напускной, глубокомысленный вид, чтобы тешить своё превосходство в духе я не такой, как эти обыватели?

Лян Хаожань признавал, что был неправ с самого начала.

Хотя в его намерениях не было насмехаться над Лу Юньцзэ, он действительно провинился, присоединившись к тем, кто за спиной судачил об однокласснике.

Именно поэтому он был готов унижаться и извиняться до тех пор, пока тот не успокоится.

Но даже при этом, когда кто-то на пустом месте придумывает тебе мотивы и гребёт всех под одну гребенку, на душе остаётся препротивный осадок.

Однако, уловив в стремительном потоке отповеди Лу Юньцзэ едва заметную, едва уловимую дрожь, Лян Хаожань мгновенно растерял все заготовленные оправдания.

Хотя резкие слова бросал Лу Юньцзэ, у Лян Хаожаня возникло странное ощущение, будто это он сам — агрессор, который с ножом в руках неумолимо наступает на жертву.

Между ними повисла тяжёлая неловкость, но вскоре этот застой нарушился звуком знакомой мелодии.

Дзинь-дон — дзинь-дон...

По всей школе разнёсся бодрый электронный звонок, возвещающий о скором начале второй половины дня. Уроки возобновлялись.

Лян Хаожань молча дождался окончания перезвона, после чего сбавил темп речи и вновь заговорил — на сей раз предельно серьезно:

— Прости меня по-настоящему. И за ту чушь, что я нёс раньше, и за своё теперешнее поведение — если это хоть чем-то тебя задело, я приношу тебе свои извинения.

В подобных ситуациях назойливо извиняться до тех пор, пока собеседник не сменит гнев на милость, пожалуй, оставалось единственным верным решением.

Уставившись в упор на Лу Юньцзэ, который по-прежнему прикрывал рот рукой и хранил упрямое молчание, он добавил:

— Хоть сколько раз извинюсь, мне не привыкать, толстокожести не занимать. Буду просить прощения, пока твой гнев не угаснет, идёт?

— ...

Лу Юньцзэ застыл на месте, не сводя с него глаз и даже не моргая.

Спустя долгое время он лишь глухо выдавил из себя:

— ...Ты мне не указчик в мыслях, с чего бы тебе знать, когда я успокоюсь.

Взгляд по-прежнему оставался свирепым, но ошетинившийся тон заметно смягчился.

Вместе с этим развеялась и львиная доля той леденящей атмосферы отчуждения, которой был окутан Лу Юньцзэ.

Эта перемена принесла Лян Хаожаню облегчение, и он невольно усмехнулся:

— Об этом не беспокойся. Хоть сколько времени на это уйдёт, раз ты всё ещё сердишься, я буду отвечать за это до победного конца. С завтрашнего дня стану извиняться перед тобой ежедневно, считай это отметкой о посещении.

— ...

Лу Юньцзэ, только что не отрывавший от него глаз, мгновенно отвёл взгляд, словно обжёгшись.

Опустив ресницы и уставившись на больничное одеяло, укрывавшее его живот, он невнятно пробормотал:

— ...Делай что хочешь.

Смягчение тона, безусловно, радовало, но голос звучал глухо и хрипло.

Если перевести это на простой язык, означало оно следующее: я всё ещё чертовски зол, но на этот раз так уж и быть, прощаю.

— С таким выражением лица твоё делай что хочешь вовсе так не выглядит, — поддразнил его Лян Хаожань.

Услышав это, Лу Юньцзэ снова вскинул веки и бросил на него свирепый взгляд:

— Да что ты понимаешь, я же сказал — делай что хочешь!

Его рука по-прежнему намертво закрывала рот.

Лян Хаожань ломал голову над тем, что за странная мания у этого парня — обязательно говорить, прикрывая рот?

Но поскольку момент явно не располагал к расспросам, ему пришлось загнать любопытство куда подальше.

— Ладно, раз делай что хочешь, значит, злость ещё не до конца улетучилась? — приподнял бровь Лян Хаожань.

— ...

Видимо, будучи пойманным с поличным, Лу Юньцзэ решил отмолчаться.

— Тогда позволь мне продолжить извинения, пока ты окончательно не остынешь, — Лян Хаожань подался корпусом вперед.

— ...

— М?

— ...

— Онемел что ли? Подай хоть какой-нибудь знак, божественный ты наш Лу.

Видя, что Лу Юньцзэ притворился мёртвым, Лян Хаожань оперся одной рукой о край больничной койки, подался всем телом вперёд и почти вплотную приблизился к нему.

Из-за столь резкого сближения Лу Юньцзэ испуганно вздрогнул и инстинктивно отпрянул назад.

Однако он и так сидел у самой стенки, отступить было некуда, и его спина намертво вжалась в

холодную белую стену медкабинета.

Словно загнанный в тупик матёрый зверёк, Лу Юньцзэ прижался к стене, а в его голосе проскользнули нотки панической спешки:

— Я понял, я всё понял, довольно... Т-ты отойди от меня!

Пусть даже это перемирие было достигнуто беспардонным и наглым преследованием, получив утвердительный ответ, Лян Хаожань довольно отпрянул назад и расплылся в широкой улыбке:

— Уговор дороже денег, божественный Лу, смотри не вздумай отказываться от своих слов!

Лу Юньцзэ уставился на него сложным взглядом, в котором читалось полное убеждение, что перед ним сумасшедший.

В этот самый момент раздался звук раздвижной двери — кто-то снаружи отворил её.

Следом за этим по всему помещению разнёсся зычный голос преподавателя из медпункта, госпожи Ян:

— Юньцзэ, сынок, в желудке полегчало? Тошнота не подступает больше, не мутит?

Секунду.

Вопрос о том, не подступает ли тошнота, означал лишь одно: до того, как сюда явиться, или незадолго до этого, пока они не видели, его уже вытошнило.

Неужели странная выходка Лу Юньцзэ, упорно не желавшего убирать руку от рта, была вызвана именно этим...

В голове Лян Хаожаня молзание сложилась безумная, но донельзя правдоподобная догадка.

Он повернул голову и в упор уставился на Лу Юньцзэ тяжёлым взглядом, продержав его так целых три секунды.

— А я-то ломал голову: с чего бы тебе при разговоре вечно закрывать пол-лица и строить из себя загадочность...

Сдерживая смех и переполняясь ехидным осознанием, Лян Хаожань протянул: — Оказывается, боялся, что во рту остался дурной привкус после недавней чистки желудка?

— ...

Лу Юньцзэ не стал опровергать услышанное. Он просто сидел неподвижно, сверля его взглядом, от которого за версту разило жаждой убийства.

Однако рука, прикрывающая рот, по-прежнему оставалась на своём месте с завидным упорством.

Это жалкое зрелище человека, чьи тайные мысли раскрыли на месте преступления, когда хочется вспылить, но возможности нет, выглядело чересчур очевидным.

В нём не было ни капли грозности, зато проступала какая-то комичность.

Лян Хаожань больше не мог сдерживаться. Он сорвался, схватился за живот и расхохотался во весь голос.

Результат был вполне предсказуем: судя по взгляду Лу Юньцзэ, тот был готов проделать в нём пару дыр.

Смеясь, Лян Хаожань думал о том, что прежде этот тип казался ему отрешенным от мира безэмоциональным роботом, но теперь выяснялось... что втайне этот парень был весьма забавным.

<http://bllate.org/book/19354/1892258>